

*Любовь сильнее смерти и страха смерти.
Только ею, только любовью держится и
движется жизнь.*

Иван Тургенев

Ибо любовь есть Бог. Ему хвала, Ему держава, и Ему сила; В Нем начало всех благ и есть, и было, и будет в бесконечные веки.

Св. Иоанн Лествичник. Лествица

ДОМ

*Я посею смолоду, младенька,
Цветиков маленько.
Я на те, на те цветы взирала,
Сердце обмирало.*

Русская народная песня

Проселочная дорога петляла среди лугов, ныряла в чащу прохладного хвойного леса, где меж раскидистых еловых лап оказывалась более гладкой и укатанной, чем на воле. Покинув лес, дорога местами становилась совсем разбитой, превращаясь в настоящее испытание для путешественника.

Июльским жарким утром, на самой заре века минувшего, по дороге той, поскрипывая и подрагивая на кочках и охая на колдобинах, продвигалась одноконная подвода.

В подводе, кроме круглолицего добродушного возчика в засаленном картузе, сидели три пассажира.

Мужчина, черная густая борода которого делала затруднительным определить его возраст, был одет помещански: в серый суконный сюртук, такие же штаны, заправленные в козловые сапоги. Козырек нового картуза, несмотря на жару, был надвинут на глаза, скрывая от окружающих их выражение.

Кроме него, на подводе ехали нестарая общительная монахиня в черном и девочка лет пяти-шести в длинном миткалевом платьице и белом бумазейном платочке. Девочка испуганно прижималась к мона-

хине, время от времени поднимая на нее большие серые глаза, в которых плескался вопрос.

Монахиня, словно нарочно не замечая вопроса в глазах малышки, всю дорогу поддерживала оживленный разговор с возницей.

Бородатый мужчина в разговор не вступал, и было непонятно — опечален он чем-то или же попросту равнодушен к предмету беседы.

А разговор поначалу крутился вокруг красот здешней природы, богатой лесами и реками.

Местность эта издревле привлекала к себе сановную знать — для охоты, а мужей благочестивых — для уединения и духовных подвигов.

Монастыри, деревни, города и пустыньки соседствовали на Пошехонье и Ярославщине так тесно, что жизнь одного вплеталась в жизнь другого, смешивалась и становилась неразделимой. Отшельники устраивались в лесах недалеко от поселений, частенько бывали притесняемы суеверным темным людом, но, терпеливо неся свой крест, не роптали и потихоньку становились старцами. После смерти последних, как водится, тот же люд принимал их святость, ходил на оставленные святыми колодчики, поклонялся светлым ликам, просил о помощи. Святые, в свою очередь, не держали обид и уже с небес продолжали помогать потомкам бывших соседей. Так и жили. И чудеса случались. Об одном таком чуде и подмывало поведать попутчикам разговорчивую сестру Степаниду. Она наслаждалась неожиданно выпавшей праздностью, приятной беседой и молчаливым вниманием попутчиков. И едва возница коснулся в разговоре чудесного свойства лесного ключа, возле которого им довелось остановиться, сестра Степанида с готовностью подхватила:

— И-и, мил человек, чудес в мире великое множество, и все дела Божьи!

Она обращалась одновременно и к спине разговорчивого возницы, и к угрюмой фигуре бородатого. Монахиня словно не замечала его угрюмости и рсточала свою тихую улыбку на всех, не боясь не встретить улыбки в ответ.

— Взять хотя бы нашу пустынь. Сколько уж ей веков, не упомнить. Бывала она, батенька мой, и мужскою, и девичьей. А вот называлась всегда одинаково: Рябининой Ильинской.

— Это почему ж?

— В незапамятные времена стояла на том месте церковка, в честь Ильи-пророка построенная. Да стала разрушаться. Забросили ее. А в лесах недалеко монастырь стоял, и игуменом в нем был преподобный Адриан. Праведник, каких поискать.

Мученическую кончину принял. Разбойники ночью ворвались в обитель, думали богатства найти несметные, а там пусто. Измывались над старцем, пытаясь дознаться, где сокровища спрятаны, только все зря. Убили старца и монахов, взяли, что нашли, и тело убиенного игумена унесли да на реке Ушломе и бросили. А на месте старой Ильиной церкви, аккуратно год спустя, возьми да и вырасти известное дерево — рябина.

— Обычное дело.

— Обычное, мил человек, да не обычное. Стало то деревце смолкой истекать, вроде как медом. Люди пригляделись, а это не смолка вовсе, а миро.

— Таки и миро?

— Миро. Люди стали приходять и получали исцеление у дерева от разных хворей.

— Как так? — Возчик причмокнул языком. По всему было видно, что не слишком доверяет он словам монахини.

— А так. Поклонится человек деревцу, прикоснется к веточкам, и хвори как не бывало.

— Дерево же! — не верил возчик.

Мужчина с бородой безучастно смотрел в сторону. Не понять — слышит ли он, или же мысли его находятся в ином месте, далеко отсюда, от разговора о праведниках. Рядом с ним покоилась его поклажа — небольшой фанерный сундучок и тряпичный узел. Изредка мужчина взглядывал на ребенка, жмущегося к монахине. Взгляд этот был не ласков и не злобен. Таилась в нем думка, но о чем она?

Встречаясь с бородачом глазами, девочка прятала лицо в складках одежды сестры Степаниды.

— Дерево, — согласилась монахиня, поглаживая ребенка по голове. — Только непростое. Люди так и потекли с окрестных сел к рябине. Поток не иссякал. И издалека приезжали. А один раз пришел на сие место причетник из ближнего села и разъяснил, что по правилам святых отцов негоже кланяться дереву. Нужно, мол, на этом месте прежнюю церковь выстроить заново. Народ понял разумную речь. Обратились к боярыне, помещице местной.

— И что боярыня?

— Благочестивая была, разрешила строить, денег дала. Рябину не тронули, храм отстроили рядом, а после позвали игумена и попросили устроить монастырь. Так и стало. Постригся в том монастыре и житель ближнего села Иван. Принял имя Ионы. Тихий был и незаметный. А перед смертью открыл Иона игумену благочестивый поступок отца своего с убиенным мучеником Адрианом.

— Отец этого Ионы, выходит, знал старца Адриана?

— Рассказал Иона, что отец его поверженные при реке Ушлومه мощи убиенного старца ночью вывез и похоронил в разрушенной церкви, а на месте погребения посадил рябину, и якобы теперь на том месте и совершаются чудеса и исцеления.

— Вон оно что! — воскликнул возница. — Так это мощи Адриана-мученика миро источали!

— После, батенька мой, братия мощи святого извлекла, а рябину игумен трогать не велел. И с тех времен в приходской церкви Рябиной пустыни бывает праздник перенесения святых мощей.

— Это о какую же пору, матушка?

— В ноябре месяце, мил человек. Аккурат рябины-то в лесу огнем полыхают...

После рассказа монахини путешественники долго молчали.

Леса отступили. Подвода выехала на открытое место. По левую сторону точно море разлитое синел лен — глаз не отвести. С другой стороны дороги золотом отливала рожь. Впереди то показывалась, то пряталась река. Зигзаги ее терялись в необозримых полях. На увалах вдалеке паслись белые как снег овцы и черные, с белыми лбами коровы.

Подвода влезла на пригорок, и путешественникам открылся вид на лежащий вдали городок. Сам городок прятался за сенью деревьев, но окаймлявшая его с ближней стороны неширокая река неожиданно предстала во всей красе, разливаясь в зелени своих берегов, украшенная мостами, купальнями и лодками с рыбаками, а также россыпями ульев, то тут, то там обрамлявшими береговые луга.

Вот показались луковки церквей, сверкая на солнце позолотой крестов. Если приглядеться, можно было увидеть, что ближе к востоку река сливается с другой рекой, образуя стрелку. На этой-то стрелке и был когда-то давно выстроен город. Поначалу появилось городище за частоколом, окруженное, как водится, рвом с водой — от набегов неприятеля. Затем, конечно, город разросся, и к описываемому времени улицы его широким веером разбегались в разные стороны от городского вала, украшенные резными чердачными оконцами, чешуйчатыми шишечками своих церквей да башней пожарной колокольни.

Густые ярославские леса почти вплотную окружали город, отделяя его и пряча от остального мира в дикой, но необыкновенно красивой глуши. Местность эта, говорят, исстари была населена кочевым народом меря, дикий нрав которого, вероятно, и стал причиной того, что город с сердечным названием Любим долго не был известен истории.

Впрочем, дикость этого места была на руку многочисленным сподвижникам духа, старцам-отшельникам, подвигающимся в окрестных лесах. В посте и молитве они понемногу накапливали вокруг города незримый Дух Места, что, бесспорно, ощущался в той стороне и поныне...

Когда подвода с нашими путешественниками неспешно приближалась по дороге к кузницам и острогу, предваряющим въезд в город, навстречу стали попадаться люди, шагающие по своим делам. То и дело обгоняли подводу возки, доверху груженные душистым сеном.

Монахиня обращала внимание девочки на то, что видела сама. Но девочка вроде и не была рада выпав-

шему на ее долю длительному путешествию и ярким впечатлениям, до которых так жадно бывает детство.

Она не замечала ни мальчишек-рыбаков, облепивших берег, ни пасечника, колдующего над своими ульями, ни красоты разнотравья. Малышка лишь с опаской взглядывала на бородатого мужчину, молчаливо сидевшего впереди.

Но вот с другой стороны моста, куда уже намеревалась въехать наша телега, показалось красочное семейство местного батюшки. Впереди бежали мальчишки с корзинками в руках, обгоняя друг друга и дурачась. За ребятами степенно шагал поп в широкополой шляпе. Батюшка держал на обеих руках по младенцу, добродушно улыбался и кивал возчику, мол, проезжай, пропускаю. Рядом с ним, так же добродушно улыбаясь, стояла матушка с корзиной.

— Отец Сергей по грибы собрался, — пояснил возчик и, поравнявшись с попом и попадьей, приподнял картуз и поклонился. А потом добавил: — Душа-человек. Но — строгий.

Поп и попадья улыбались, оба младенца тоже улыбались и резво махали ручками. Только тут девочка-путешественница выглянула из своего укрытия и несмело улыбнулась в ответ.

— Строгий, но справедливый, — сам себе добавил возчик и легонько ударил лошадку вожжами.

Когда подвода миновала каменное здание острога и город стал очевиден, надвинулся своими, в основном деревянными, строениями, девочка вдруг порывисто обхватила монахиню обеими руками и спрятала лицо у нее на груди.

— Ну-ну, моя... — наклонилась к ней сестра Степанида. — Господь милостив, ласточка, свыкнешься.

Подвода въехала на улицу, мощенную булыжником, и сразу от колес прибавилось шума, а копыта отчетливо застучали: цок! цок! цок!

Проехали мимо каменных казенных зданий. У ворот двухэтажного тесового дома с каменным цокольным этажом возница остановил лошадь.

Девочка открыла глаза, только когда большие руки бородатого человека подняли ее с телеги и поставили на землю. Она хотела было вырваться и убежать к монахине, но бородатый крепко держал ее за руку.

Ворота, скрипнув, распахнулись. Перед приехавшими предстал мощный гладким камнем двор, широкое парадное крыльцо, на котором, как перед треногой заезжего фотографа, колоритно выстроилось семейство обитателей дома.

Дама в светлом длинном платье с высоким воротом и длинными рукавами держала за руку карапуза в кружевной рубашонке. Рядом с ними стояли удивительно похожие на даму и друг на друга девочки в соломенных шляпках. Одна — ростом с нашу путешественницу, другая — на голову повыше. У обеих девочек волосы были неестественно белые, белее пшеничных колосьев, пожалуй, как тополиный пух. Такие же белые у них были брови и ресницы.

Сзади стояла деревенская нянька с младенцем на руках.

Бородатый человек поклонился и подтолкнул вперед себя девочку.

Она споткнулась, остановилась в растерянности. Поняла, что должна что-то сделать, но что? Дама на крыльце и обе девочки выжидательно смотрели на приехавших.

Малышка оглянулась, ища глазами сестру Степаниду... и не увидела ее!

Глаза, всю дорогу успешно борющиеся со слезами, подвели. Мгновенно наполнились чем-то горячим, затем переполнились...

Затмившая свет влага безудержно побежала по щекам.

— Поздоровайся с господами, — подсказал сзади бородатый человек, но девочка ничего не могла с собой поделаться. Слезы катились тяжелыми горячими горошинами, прокладывая чистые полосы среди серого налета дорожной пыли на щеках.

Девочка на крыльце, та, что постарше, скривилась, поджала губы. Проговорила негромко, но так, что гостья расслышала:

— Плакса!

Положение поправил хозяин дома.

Крупный высокий мужчина с красным от загара лицом и большими пушистыми усами, в синем мундире с золотыми пуговицами, появившись на крыльце, немедленно разрушил неловкую статичность, возникшую минуту назад. Он остановился, повел плечами. Лицо его расплылось в довольной улыбке.

В его движениях присутствовала важность, диктуемая чином. В то же время чувствовалась в нем некоторая простота, располагающая к нему людей, расположения коих он мог искать.

— Тихон Макарыч! — пророкотал хозяин, широко шагая навстречу гостям. — Давно ждем! А я уж было решил, что ты, каналья, передумал!

— Как можно, ваше благородие... Обещал ведь!

— А то не бывает? Хорошего повара ведь и смазать могут. Ну, рад. Рад. Где твоя поклажа? А это что? Дочка твоя?